Общероссийский Монархический Фронт

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

"NUESTRO PAIS"
SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Correo Central B. Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI Buenos Aires, Jueves, 15 de enero de 1959 • Буэнос Айрес, четверг 15 января 1959 года № 469

Василий Ржевский

Формирующийся новый класс

С легкой руки Ленина, с 1917 года, началось уничтожение российской интеллигенции. Сначала это шло в неорганизованном порядке расправ озверевшей толпы с "золотопогонниками", как на фронте, так и в тылу. Особо отличалась "краса и гордость русской революции" матросня, которая не только поубивала массу своих офицеров, но организовавшись в небольшие отряды, разъезжала по всей России, грабя пьянствуя, насилуя и наводя трепет на мирное население. Великие организаторы "рая на земле" Ленин, Троцкий, Дзержинский, по прозванию "золотое сердце", и др. поспешили неорганизованное убийство ввести в рамки убийства организованного. Была организована знаменитая "Чека", во главе с Дзержинским, и разработан детальный план массового убийства по классовому признаку, куда вошли сначала помещики, купцы и духовенство. Постепенно состав групп, подлежащих уничтожению расширялся и в них были включены государственные чиновники, судьи, адвокаты доктора, инженеры, педагоги и т.д. и вообще лица консервативных и либеральных взглядов. Когда же лозунг "бей буржуев и капиталистов" утерял свою остроту, был выдвинут лозунг "враг народа", более удобный для убийц и широко охватывающий массы, которым и оперирует до сего дня коммунистическая власть в России.

Количество убитых, умерших от болезней и голода метавшихся в панике по всей стране российских интеллигентов совершенно не поддается учету. Оставались в живых те, которые или сразу и без всяких оговорок пошли на службу к коммунистам, или специалисты, в которых остро нуждалась власть, или лица, которые резко изменили свой образ жизни, свою профессию, звание и смешались с другими группами населения. Но, очевидно, у всякой революции, есть свои особые законы возмездия. Расправившись с созидательной верхушкой народа — служилой и свободно-творческой интеллигенцией, убийцы перешли к самоуничтожению, убивая друг друга, как иностранных агентов, троцкистов, уклонистов и прочих врагов народа.

Особая заслуга в убийстве своих соучастников неоспоримо принадлежит Иосифу Сталину и это единственная отрасль его деятельности, где он является действительно непревзойденным знатоком своего дела. Заграницей, очевидно, за свои заслуги, он получил историческое имя "доброго малого Джо". Когда ближайшие друзья и сотрудники убрали и самого Джо, то им осталась уже пустяшная задача убрать последних представителей коммунистической предреволюционной интеллигенции в лице Молотова и Кагановича. 1958-ой год исторически можно считать годом окончательной ликвидации предреволюционной российской интеллигенции всех политических направлений. Несколько сот потерявших свое лицо, доживающих свой век стариков уже никакого политического влияния не имеют. В настоящее время пришли к власти те, кто стал коммунистом после 1917 года. Это уже не сыновья прежней интеллигенции, а пестрая толпа из бывших крестьян, рабочих, мелких чиновников, приказчиков, торговцев и т.п.

Они прошли жуткую школу Гражданской войны, голодовок, болезней, неслыханного террора и всяких изменений "генеральной линии" партии. Эти люди прошли, как говорят: "огонь и воды и медные трубы". Это созданный революцией особый сорт людей. Они морально опустошены, их сердца вылущены, их мозг сосредоточен на нескольких мыслях, исходящего из известного изречения "Homo Homini Lupus est" (человек человеку волк). Не верь никому, думай только о себе и не заботься о других. Лучше ты первый убей, чем убьют тебя другие. Почти у каждого из них руки в человеческой крови. В звериной борьбе гражданской войны и последующего террора они случайно выжили. У них не может быть настоящих друзей. Они лишены чувства **любви**. Они смеются над словами **добро, жалость, справедливость, правда**. Они невероятно цепко дрежатся за свою власть. Они не верят и не ждут по отношению к себе ни жалости, ни сожаления. **Они хотят жить во что бы то ни стало!**

Это еще не новый класс. Это последняя отрыжка революции. Им сейчас по 60-65 лет. Они еще одеты в коммунистические одежды. У них масса апломба и самоуверенности недоучек, вышедших из низов. Они практически умны, энергичны, люди сильной воли и сильной подлости. Они еще держатся у власти по двум причинам: во-первых, на Западе у них есть **много родственных душ**. Политический и моральный кризис демократий стал общим местом. Слабые голоса людей совести и чести ударяются в стену голых душ и там бесследно пропадают. Дьявольски хитрая подмена борьбы с коммунизмом борьбой с русским народом невероятно увеличивает силы коммунистов не только в России, но и во всем мире, а, в особенности, в Китае и странах Востока Ведущие левые группы Запада, вопреки интересам своих народов, усиленно ищут платформу сговора с коммунистами для совместной стройки "настоящего социализма" и единого не подлежащего свержению мирового правительства.

А, во-вторых, в России только начинает формироваться новый класс, который, так или иначе, заменит революционных убийцев.

С 1917 года и немного раньше, скажем с 1910 года в России народился уже ряд поколений, которые ни в каких революциях не участвовали, никаких "революционных заслуг" не имеют и ни с какими помещиками, капиталистами и прочими "врагами народа" не боролись. Самым старшим из них, родившимся в 1910 году, уже 49 лет, а рожденным в 1917 году — 41 год. Это уже большинство всего населения выросшее в послереволюционный период. Создавшийся из его рядов обширный образованный класс существенно отличается от прежней российской интеллигенции. Прежде всего, у этого образованного класса и у бывшей интеллигенции **разные отцы**. Это дети колхозников, рабочих и мелкого городского люда, имевшего в большинстве только ограниченное начальное образование. Детство этих людей проходило в деревенских избах или в тесных рабочих жилищах. Они были бедно одеты, плохо и однообразно питались Видели они кругом нищету и тяжелый физический труд. Уже с раннего детства их головы засорялись разной партийной шелухой и ложью, в которых детскому уму было очень трудно разобраться. Они приучались думать про себя, не доверять окружающим и уметь говорить не то, что думаешь. Запуганные, затуканные, оборванные и полуголодные они очень мало походили на "цветы земли", о которых говорили писатели. Они видели приезжавших к ним всяких партийных персон, различных специалистов, питающихся и одетых лучше их и их отцов. Эта разница в получении жизненных благ развивала у них сильное желание вырваться из домашней невзрачной обстановки. Свойственное вообще русскому человеку стремление к знанию усиливало их желание получить высшее образование и захватило молодежь обоего пола.

Поступление в высшее учебное заведение — это уже значительный шаг вперед в смысле улучшения своего материального положения. Это — комната на двоих или, максимум, на четверых, в более или менее благоустроенном доме, а не в хате с деревянными скамьями и лежанками. Это — возможность иметь немного лучшую одежду. Скромное, но регулярное питание. Льготное посещение театров и других развлечений, хотя бы и одностороннее, но расширение умственного кругозора и общение с людьми разной индивидуальной ценности.

Эти студенты не бунтуют, как прежние дореволюционные, не борются за отвлеченные идеалы или против действий правительства, их лично не затрагивающих. Они с детства проходят суровую школу реализма и идеализм это слишком дорогое, себя не оправдывающее занятие. Попав в университет, они попали из худшего на какую-то ступень в лучшее и живут надеждой, что по окончании университета они попадут в общество **отобранных**, жизнь которых значительно отличается от жизни низов, из которых они вышли. Всякий бунт, всякий протест это почти 100% возврата в худшее положение без надежды снова подняться. Кроме того, постоянный надзор партийных и комсомольских ищеек заставляет глубже запрятывать свои сокровенные мысли. Как птичка, рожденная в клетке, не страдает от лишения ее свободы и даже, выпущенная на свободу, сплошь и рядом возвращается в свою клетку, так и молодой человек в СССР, опутанный со всех сторон коммунистической проволокой, считает это обычным, привычным явлением, вызывающим у него не возмущенный протест, а лишь некоторое недовольство некоторыми особо туго стянутыми проволоками. Ко многим сведениям, доходящим до него в урезанном виде с Запада, он относится со свойственным подсоветскому человеку недоверием. Болезненно развитый патриотизм во многих случаях мешает ему критически отнестись ко многим окружающим его явлениям.

Каждый подсоветский человек, не будучи сам коммунистом и не питая к коммунизму особых симпатий, болен засорением мозгов коммунистической ложью.

У одних это засорение в большей степени, у других — в меньшей. У студенчества нет одной общей идеи. Оно делится не по партийному признаку ,а по практическим соображениям — как легче, спокойнее, веселей жить сейчас и устроить свою личную будущую жизнь. Стиляги, реалисты, ни бо ни чо (ни Бога, ни черта), спекулянты — это особый уродливый вид протестантов, желающих пользоваться жизнью сейчас, а не через пятилетку, или семилетку. Они опасны для власти тем что их ни на какой энтузиазм "по освоению целины", уборки урожая и т.д. не поймаешь, однако, и свергать режим их тоже не подобьешь. Они являются большим соблазном для другой части студенчества, послушных власти работяг, студентов искренне увлекающихся наукой и студентов одиночек или узких группок, ищущих выхода из неудовлетворяющих их условий жизни на их Родине.

Сегодняшняя Россия — очень молодая страна, ее люди упорны, закалены, обуяны ненасытной жаждой знания.

Культурный отбор этих людей и будет правящим слоем России, — независимо от того, будет ли у нас Монархия, или республика, или судьба тяпнет нас какой-то новой диктатурой.

Нравится нам это или не нравится — это есть новое поколение. И не только хронологически, но и социально.

Новое подсоветское поколение вышло из иной социальной среды, со всеми политическими, психологическими и прочими предпосылками и последствиями.

С этим поколением эмиграция обязана считаться, как с решающим фактором в жизни России.

Новая Россия будет новой Россией, с новой промышленностью, новым крестьянством, новым пролетариатом, новым правящим слоем и с новыми методами управления.

Россия будет страной чудовищной силы и великой, еще невиданной в истории мира человечности.

И. Солоневич

Кроме партийных карьеристов и подхалимов власти, никто из студентов не пополняет больше кадров интернациональных энтузиастов и запись в коммунистическую партию все больше и больше становится простой формальностью для будущего продвижения по службе. **Но, что именно их генерация должна занять место задохнувшегося и изживающего себя, как идею, интернационального коммунизма, в их сознании еще недостаточно ясно проникло и они еще сами не знают своей роли могильщиков уходящего в вечность революционного периода.**

Их старшая — от 25 до 45-летнего возраста — пореволюционная генерация, уже вступившая в практическую жизнь страны, в качестве образованного слоя, находится в периоде оформления и осознания своей роли ведущего класса. Она еще совершенно дезорганизована. Она не имеет никакой политической организации и никакой ни политической, ни экономической программы. Она без сговора между собой действует на власть **своей массовой психологией**. Они **для себя** хотят лучшей жизни. Они гордятся своем званием инженера, доктора, агронома и т.д. Они добиваются жизненных привилегий по сравнению с народной массой. Идея уравниловки им совершенно не импонирует. Они заявляют, что учились не для того чтобы пахать землю или стучать молотом.

В настоящее время их в стране около 7 миллионов. Власть, боясь дальнейшего увеличения образованных людей и невозможности дать им работу, соответствующую их званию, начинает ставить рогатки для поступления молодежи в высшие учебные заведения и тем самым, не хотя этого, поднимает престиж и значение уже работающих образованных людей. Создается как бы закрытая корпорация специалистов без свободной конкуренции.

Большая часть настоящего служилого класса побывала, по тому или иному поводу, на Западе, то ли в качестве военных, то ли в качестве различных чиновников учреждений, то ли в качестве туристов, что значительно расширило их умственный горизонт и заставило применять к некоторым жизненным явлениям метод сравнения, который в громадном большинстве случаев должен привести к выводам не в пользу советской власти. Этот психологический эффект очень трудно поддается видимому учету. Его можно сравнить с бомбой замедленного действия, но когда эта бомба взорвется, никто не знает.

В настоящее время российский народ

Н. Потоцкий

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Нам, монархистам, особенно приятно опровергать всю ложь и клевету на Императорскую Россию, изливавшуюся и изливаемую на нее и до сих пор нашими левыми, когда подтверждения для наших опровержений мы находим на страницах наших левых газет и журналов. А потому мы не можем не выразить нашей признательности редактору "Нового Журнала", поместившему в его 18-й книге статью Н. Арсеньева "Потемкин-Таврический" и в особенности, разумеется, автору этой статьи; ибо в ней опровергается одна из многочисленных фальшивок наших патентованных "правдолюбов"-либералов, одержимых манией очернения всего, что так или иначе связано с Российской Монархией, как строительницей величия и могущества нашей Родины.

Одной из таких фальшивок — второстепенных, но все же весьма характерных для этих "служителей истины" — является жалкая легенда о так называемых "потемкинских деревнях", которой поддался даже такой серьезный историк, как Платонов. В самом деле, не вправе ли были злорадствовать враги нашей Монархии, оперируя этой глупой басней: смотрите, дескать, как дурачили Русских Царей их собственные высокопоставленные слуги, внушая им превратные представления об управляемой ими стране! Как же могли быть эти Монархи мудрыми правителями на благо всей земли, когда их понятия о ней совершенно расходились с реальной действительностью?

А между тем ярко рисуя нам "великолепного князя Тавриды", как подлинного русского гения (а гением признал его и такой умнейший и талантливый иностранец, как его современник принц де-Линь), Н. Арсеньев приводит нам в своем кратком, но правдивом очерке, в чем на самом деле состояла постройка Потемкиным этих "деревень". Вот что пишет по этому поводу Н. Арсеньев:

"Великодушна, полна размаха и сознания государственных интересов политика Потемкина по отношению к переселенцам, колонизующим новые области. Большой размах и верный, практический глазомер в его политике градостроения. Он строит следующие города и местечки: Николаев, Херсон Екатеринослав, Севастополь, Мелитополь, Алешки, Нахичевань, Мариуполь, Екатеринодар, Ставрополь, Георгиевск и всю Моздокско-Кизлярскую линию вдоль Кавказа и т.д.

Через два года после основания Херсона последний уже был центром морской торговли; в нем основываются верфи и морские школы. Через четыре года после основания Херсона нерасположенный к Потемкину современник, гетман Разумовский, удивляется мощному росту города, где между прочим уже находится гарнизон в 10 000 солдат. Это не "потемкинские деревни", а многочисленные действительно построенные деревни и города, в которых Императрица и Ее свита (и часто критически-враждебно настроенные иностранные гости) могли остановиться и жить. Тот же Разумовский путешествуя около этого же времени в частном порядке по степям Новороссии, был поражен изумительной колонизаторской деятельностью Потемкина. Какой размах — повторяю — в этих его планах градостроительства, не всецело осуществленных из-за Второй Турецкой войны (так, в Екатеринославе замышляет он великолепный собор — подражание римскому собору св. Павла — на высокой террасе посреди города; тут же судебные учреждения в стиле древней римской базилики императорских времен и центральный очаг торговой жизни города в стиле афинских пропилей, с биржей и театром, далее университет академия художеств, музыкальная академия и т.д.) и как много им было действительно осуществлено! Он поистине — отец и творец Новороссии

Он входит при этом в самые разнообразные жизненные подробности, касается в своих творческих мероприятиях самых различных сторон жизни. Вот ряд распоряжений его относительно дальнейшего развития и устроения города Николаева, этого любимого его детища, построенного по тщательно и стройно продуманному плану приглашенного им итальянского архитектора: "Построить кадетский корпус на 360 человек, расширить казармы, основать монастырь — Спасско-Николаевскую лавру "на что и план дан". Основать мельницы, инвалидный дом и новую больницу. Развести аптекарский склад. Баню турецкую построить" и т.д.

"Но Потемкин не только основатель многих городов, он вместе с тем и творец русского черноморского флота. Масса стараний затрачивается им на создание флота, верфей, гаваней. Он садит большие леса для нужд флота на Юге России, заводит лесопильные мельницы. Он заботится о подъеме земледелия о введении новых отраслей промышленности. Много ремесленников призвано им из центральной России и из-за границы и поселены им в Новороссии на льготных условиях. Произведены большие посадки тутового дерева для подъема шелководства. Особенное внимание посвящает он улучшению качества русской шерсти и качества ее выделки. "Что же касается до области Таврической, там хлебопашество год от году усиливается. Виноград венгерский дал уже первый плод; вино делается лучше прежнего, водку французскую гонят лучше настоящей а через год, конечно, большее количество оной будет".

Потемкин является также действенным проводником традиций Русской Монархии в отношении населения завоеванных областей. "Замечательны и государственно мудры его меры по отношению к инородческому населению Юга и Востока России. Он сохраняет им их самоуправление, обычаи, нравы. Присоединение Крыма он старается облегчить и закрепить тем что за татарами сохраняются самое широкое самоуправление и полная религиозная свобода, с оставлением на их должностях прежних местных властей и духовенства. Им учреждаются в новоколонизируемых или новоприсоединенных местностях школы русские, греческие (для греческих колонистов), татарские и он заботится о составлении и издании учебников для этих школ. Благодаря своей доступности и внимательности к их нуждам, он очень популярен среди восточных народностей. Он — один из крупнейших представителей идеи терпимой, считающейся с интересами отдельных народных групп и великодушно-гуманной Русской Империи на востоке".

Многие ли из так называемых "демократических" государств учиться у которых нас усиленно приглашают западники из "Русской Мысли", могут похвастать именно **такой**, мудрой и дальновидной политикой Российской Верховной Власти в отношении своих туземных подданных? Можно смело утверждать — в особенности в свете недавних и современных событий — что если бы, напротив, западные носители этих "демократических" колониальных традиций поучились кое-чему у "отсталой и варварской России", то им удалось бы избегнуть громадных человеческих и материальных жертв во мно-

---

в целом, а его образованная верхушка, в особенности, страдает болезненным самолюбием и обостренным патриотизмом.

Внутренние причины: обида за своих отцов. Вот совершили революцию, уничтожили помещиков, капиталистов и других "врагов народа", погибло множество и самого народа, а живем еще хуже, чем раньше и живем хуже, чем живут люди заграницей, которые революции не делали. Хотелось утереть нос всем буржуям и иностранцам, а приходится перед ними скрывать свою нищету.

Внешние причины: глупейшая политика иностранцев: с одной стороны — поддержка альянса с коммунистами, с другой, — злобное и презрительное отношение к русскому народу и попытка натравливания одних групп населения на другие. Горечь обиды, что на них смотрят, как на людей третьего сорта; отсутствие чувства вины за действия своего правительства. С одной стороны, невежественное, а с другой — сознательное и преднамеренное отожествление коммунистической власти с русским народом дают коммунистам старший козырь в руки, что не они, коммунисты, нападают на иностранный мир, а иностранный мир собирается напасть на **русский народ**, а не на коммунистов. Лучшего метода для сплочения обездоленного народа в одну патриотическую массу и не придумаешь.

Мы присутствуем в настоящее время при явлении не поддающемуся ни логическому мышлению, ни нормальному разуму. Действия Запада, находящегося в сетях великой глупости и великой провокации по отношению к русскому народу **гораздо больше осложняют и затрудняют нашу и нашего народа борьбу с коммунистами, чем сами коммунисты.**

В настоящее время в нашей борьбе против коммунистов получает полную актуальность изречение: "Избави нас, Господи, от друзей, а от врагов уж мы как-нибудь сами избавимся!"

Все наши усилия в данный момент должны быть направлены на установление контакта и нахождение общего языка с формирующимся новым ведущим классом. Это не так просто и требует особого подхода и особой психологической интуиции. Это не прежние "отцы и дети". Это совершенно н о в ы е дети от н о в ы х отцов. Они росли и физически и духовно совсем в других условиях чем дети старой интеллигенции. Бытовые условия их жизни выработали у них совершенно другие навыки, другие взгляды на жизнь. Ряд моральных постулатов прежней интеллигенции подвергается их переоценке, многие из них оказываются совершенно неприемлемыми в той жизненной борьбе, которую приходится выдерживать каждому из них. Правдивость, честность, справедливость, жалость имеют крайне ограниченный условный круг действия. Подсоветский человек все время живет двойной жизнью Сам с собой и с ограниченным кругом близких людей, которым он доверяет, это один человек и совсем он становится другим человеком, когда вступает в соприкосновение с внешним миром и, в особенности, с "власть имущими".

Наши пути завоевания доверия этого человека очень сложны и не являются предметом настоящей статьи, о них — позже.

Василий Ржевский

И. СОЛОНЕВИЧ № 40

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Я стоял перед нею пришибленный и растерянный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к себе самому. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов взрослых, мужчин могли допустить до этого детей нашей страны? Как это мы не додрались до конца? Мы, русские интеллигенты, зная, ведь, чем была "великая французская революция", могли бы себе представить, чем будет столь же великая революция у нас!.. Как это мы не додрались? Как это все мы, все поголовно не взялись за винтовки? В какой-то очень короткий миг — вся проблема гражданской войны и революции осветилась с беспощадной яркостью. Что помещики? Что капиталисты? Что профессора? Помещики — в Лондоне, капиталисты — в Наркомторге, профессора — в академии. Без вилл и автомобилей, — но живут... А вот все эти безымянные мальчики и девочки?.. О н и х мы должны были помнить прежде всего — ибо они будущее нашей страны... А вот — не вспомнили... И вот — на костях этого маленького скелетика, — миллионов таких скелетиков, — будет строиться социалистический рай. Вспоминался карамазовский вопрос о билете в жизнь... Нет, ежели бы и м и удалось построить этот рай — на этих скелетиках — я такого рая не хочу. Вспомнилась и фотография Ленина в позе Христа, окруженного детьми: "не мешайте детям приходить ко мне..." Какая подлость. Какая лицемерная подлость!..

И вот — много вещей видал я на советских просторах — вещей, на много хуже этой девочки с кастрюлей льда. И многое — как-то уже забывается. А девочка не забудется никогда. Она для меня стала каким-то символом, символом того, что сделалось с Россией.

НОЧЬ В УРЧ

Шли дни. Уходили эшелоны. Ухудшалось питание. Наши посылки актив из почтово-посылочной экспедиции лагеря разворовывал настойчиво и аккуратно — риска уже не было никакого: все равно на БАМ. Один за другим отправлялись на БАМ и наши славные сотоварищи по УРЧ-у. Твердун, который принимал хотя и второстепенное, но все же весьма деятельное участие в нашей травле, пропил от обалдения свой последний бушлат и плакал в мою жилетку о своей загубленной молодой жизни. Он был польским комсомольцем (фамилия — на тоящая), перебравшимся нелегально, кажется, из Вильны и, по подозрению неизвестно в чем, отправлен на пять лет сюда... Даже Стародубцев махнул на нас рукой и вынюхивал пути к обходу БАМ-овских перспектив. Очень грустно констатировать этот факт, но от БАМ-а Стародубцев как-то отвертелся.

А силы все падали. Я хирел и тупел с каждым днем...

Мы с Юрой кончали наши очередные списки. Было часа два ночи. УРЧ был пуст. Юра кончил свою простыню.

— Иди-ка, Квакушка, в палатку, ложись спать.

— Ничего, Ватик, посижу, пойдем вместе.

У меня оставалось работы минут на пять. Когда я вынул из машинки последние листы, то оказалось, что Юра уселся на пол, прислонился спиной к стене и спит. Будить его не хотелось. Нести в палатку? Не донесу. В команте была лежанка, на которой подремывали все, у кого были свободные полчаса — в том числе и Якименко. Нужно взгромоздить Юру на эту лежанку, там будет тепло, пусть спит. На полу оставлять нельзя. Сквозь щели пола дули зимние сквозняки, наметая у карниза тонекькие сугробики снега.

Я наклонился и поднял Юру. Первое, что меня поразило — это его страшная тяжесть. Откуда? Но потом я понял: это не тяжесть, а моя слабость. Юрины пудов шесть брутто казались тяжелее, чем раньше были пудов десять.

Лежанка была на уровне глаз. У меня хватило силы поднять Юру до уровня груди, но дальше не шло никак. Я положил Юру и попробовал разбудить. Не выхо сон. Это был, выражаясь спортивн

Я все-таки изловчился. Подтащ нял Юру, взобрался с ним на яш приподнявшись, перекатил Юру н ударился виском о край кирпи струйка крови побежала по лицу. я заклеил ранку. Юра не просну лицо покойника, умершего от до Алые пятна крови резким контра синеву лица. Провалившиеся впа Высохшие губы. Неужели это кон страшным, что я наклонился и ста билось... Плохо, с аритмией, но б сколько секунд ужас окончательн жилась и ноги подгибались. Хоро ся прямо здесь и заснуть. Но я, стал спускаться с лестницы. По д для Чекалина. Список относился отправиться завтра или точнее, с этот список взял, как и прежние ха, почему бы он мог не взять? наш рекордный список — на 147 щели на завтра? Днем могут заме

Потоптавшись в нерешительно полз наверх. Открыл дверь в не просунул руку. Список был здесь.

Я чиркнул спичку. Да, это бы записки от Чекалина — драгоценн Чекалин был очень неосторожен). Не мог? Не было времени? Что Чекалину.

Но при мысли о том, что пр бам куда-то за две версты до чека

гих составных частях их собственных империй.

***

В той же книге "Нового Журнала", в статье известного революционера В. Зензинова о его друге, таком же революционере Фондаминском-Бунакове, мы находим к такому же нашему удовольствию яркую иллюстрацию к восстановлению правды о том, чем в действительности был русский **военный суд**, на самые ужасные краски в описании которого не скупились те же самые наши "поборники истины" в своих описаниях "ужасного царского режима".

1905 год. В Ревеле взбунтовался экипаж броненосного крейсера "Память Азова", на котором было убито несколько офицеров, а остальные, выброшенные матросами в море, к счастью, спаслись вплавь. Одним из руководителей восстания был некий Оскар, член ревельской соц.-дем. организации. В этот момент Фондаминский приехал в Ревель и тотчас же, вместе с двумя членами ревельской партии с.-ров, устремился на шлюпке на взбунтовавшийся корабль, чтобы принять участие в дальнейшем углублении и развитии бунта. Однако как раз к этому моменту матросы, оставшиеся верными присяге, под командой своих унтер-офицеров, подавили мятеж и посадили бунтовщиков вместе с Оскаром в трюм. И когда Фондаминский со своими товарищами поднялся на палубу крейсера, он был немедленно арестован. И непосредственным участником мятежа, и Фондаминскому с товарищами грозил военный суд — ему они и были преданы.

Нетрудно представить себе — особенно памятуя пример кронштадтского восстания 1921 года — что в подобном случае большевики расстреляли бы **всю без исключения** команду восставшего корабля. Как же поступил страшный царский военный суд? Он приговорил к расстрелу только восьмерых главных зачинщиков бунта и Оскара. Дело же о троих арестованных уже после восстания и захвата "Памяти Азова" **было выделено**, и они были перевезены в Петербург, где над ними был назначен новый военный суд. Здесь над ними нависла, казалось бы, неизбежная кара, в особенности если принять во внимание, что обвинителем на этом суде выступил знаменитый военный прокурор Павлов. "Суд — пишет В. Зензинов — состоялся через два месяца. Фондаминского и его товарищей защищали несколько человек. На суд была допущена невеста Фондаминского. Между защитниками и обвинением борьба за головы обвиняемых была горячая. И суд — военный суд — вынес всем трем обвиняемым оправдательный приговор!".

Вместо того, чтобы ставить этот восклицательный знак, В. Зензинов проявил бы гораздо больше добросовестности и гражданского мужества, если бы сделал тот вывод из своего рассказа что Императорский военный суд доказал в этом деле свое беспристрастие, свое нелицеприятное уважение к духу закона и свою гуманность и оказался тем самым на высоте заветов, завещанных Русскому суду Царем-Освободителем. И во всяком случае он оказался гораздо более справедливым и человечным, чем те революционеры — и в числе их сам З е н з и н о в, о "п р е к р а с н о й д у ш е" которого столько писали после его недавней смерти его товарищи по партии, — которые "приговорили к смерти" и убили этого самого генерала Павлова только за то, что за погубленные этими революционерами жизни верных слуг России и Царя он требовал для них того наказания, которое им полагалось по закону. Такова была двойная мерка наших "борцов за право и за человеческое достоинство", которые отправили на тот свет (это у них называлось "казнь"!) немало не только губернаторов и жандармских и строевых офицеров, но и несчастных городовых или простых солдат, стоящих на часах у какого-нибудь порохового погреба, но которые вопили на весь свет об ужасных "столыпинских галстуках", бывших однако, совершенно справедливым и законным возмездием для презренных убийц этих верных слуг Царя и народа.

***

В тесной связи с вышесказанным стоит утверждение Ю. Сречинского, которое является ложкой дегтя в бочке меда, в его прекрасных статьях (хотя и не во всем бесспорных) "К сорокалетию эмиграции", печатавшихся недавно в "Новом Русском Слове".

Ю. Сречинский пишет: "Борьба революционеров с царским правительством была построена на моральных принципах".

Безоговорочно такое утверждение принять нельзя, ибо оно не делает различия между рядовой массой революционеров, состоявшей в подавляющем большинстве из хороших русских юношей и девушек, которым искусная — и бессовестная — революционная пропаганда представляла Монархию и Ее служителей, как оплот "реакции", "произвола", "угнетения" и т.п., а потому они искренне верили, что борьба против этих сил "обскурантизма" есть долг каждого честного гражданина во имя блага своего народа. Что такие предпосылки революционной борьбы для этой обманутой молодежи были "построены на моральных принципах", — против этого спорить нельзя, но это далеко не исчерпывает вопроса по той причине, что, напротив, у идеологов и вожаков революционного движения основные принципы находились весьма далеко, не говоря уже о христианской, но и просто и от общечеловеческой морали. Если основоположники нашего, так называемого, "освободительного" движения звали Русский народ "к топору" и к "красному петуху", если Бакунин в первую голову считал необходимым зарезать Царя-Освободителя, если Белинский во имя "социальности" с легким сердцем принимал физическое истребление миллиона инакомыслящих, если Герцен приветствовал поляков-повстанцев и желал им победы над Русской (все-таки **Русской**) армией, а какие-то "либералы" посылали приветственные телеграммы с пожеланиями такой победы микадо, если Милюков оперировал заведомой для самого себя ложью против Царя и Царицы в своей клеветнической думской речи, если Савинковы посылали эту самую неопытную и обманутую прекрасными словами молодежь на убийство людей, виноватых только в том что они исполняли свой долг перед народом и Властью на основе **своих** моральных принципов, — то спрашивается, где же во всем этом принципы подлинной морали и даже элементарной культурности? Совращение этой прекрасной русской молодежи на путь убийства своих братьев тяжким грехом ложится на совесть вождей револ. движения, и приговор им лежит в словах Христа о мельничном жернове, который надлежит одеть на шею развратителей "малых сих". Зло может породить только зло — господа присяжные февралисты этого не поняли до сих пор.

***

Иногда и на страницах наших левых газет появляются слова неопровержимой истины. И в той же газете "Н.Р.С." (от 25 сентября) Аргус коротко и ясно говорит: "Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что и Февральской, и Октябрьской революции не надо было делать, ибо некому было заменить царскую власть".

Браво, г. Аргус! К сожалению, однако, г.г. Вишняки и Керенские считали себя одаренными всеми качествами, необходимыми для управления страной, о духовной сущности которой как и о национально-государственных традициях ее народа они имели чрезвычайно смутные и притом совершенно извращенные понятия. Жизнь это доказала ясно на основе неопровержимых реальных фактов — но это их не смущает, ибо аргумент у них сногсшибательный: "тем хуже для фактов", хотя бы в число последних входили неисчислимые жертвы и неслыханные страдания родного народа в результате их уколобого фанатизма и абсолютной бездарности и неопытности в вопросах государственного управления. Впрочем был ли когда-нибудь для Вишняков, Абрамовичей и Керенских Русский народ действительно **родным** народом?

Н. Потоцкий

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

В течение прошедшего года Советский Союз усилил экономическое давление на другие страны, прибегнув к испытанному способу "дэмпинга". СССР уклонился от чисто коммерческих целей своей торговой деятельности и свою экономическую помощь превратил в рычаг деятельности политической.

О "дэмпинге" говорят в том случае, когда какая-либо страна, или группа стран, неожиданно выбрасывает на международный рынок какой-либо продукт по цене более низкой, чем та, которая господствует внутри импортирующей страны, или — стоящей ниже цены, принятой на международном рынке. "Дэмпинг" может коренным образом нарушить экономическую жизнь других стран, производящих тот продукт, о котором в данном случае идет речь. Последствия такого нарушения могут быть трагичными, особенно, если страна, против которой направлен "дэмпинг", зависит от данного продукта, находясь в стадии своего развития.

В 1958 году СССР намеренно прибег к "дэмпингу", выбросив на международный рынок грандиозное количество олова по заниженной цене. Это тотчас же поставило под угрозу экономику Боливии и вызвало отрицательные результаты в Малазии и Индонезии.

Когда СССР начал эту акцию, сложность советского маневра не была полностью понята. В июне было только замечено, что советский экспорт олова значительно повысился, в августе уже стало ясно, что повышение экспорта этого продукта было элементом продуманной кампании, в сентябре определилось, что международный рынок имеет дело с советским дэмпингом. Цена на олово упала на 12%.

Боливии, стране, живущей фактически на счет рессурсов своего олова, был нанесен жесточайший удар, она лишилась большей части своих доходов в иностранной валюте, и ее финансовые резервы оказались доведенными до минимума. Многие шахты были закрыты и в стране началась безработица. На Генеральной Ассамблее Объединенных Наций Боливия, Малазия, Индонезия и Сиам обратили внимание Ассамблеи на то, что СССР начал дэмпинг олова, и представитель Боливии открыто обвинил СССР в "экономической агрессии... направленной к срыву международного рынка олова".

В конце истекшего года общественное мнение мира имело возможность узнать, до каких границ советская власть способна прибегать к нарушению торговли на международном рынке, с целью повлиять на политическое положение внутри той или иной страны. В этом случае речь идет о Финляндии.

Состав кабинета министров Финляндии, образовавшийся в августе 1958 г., не пришелся по вкусу советским властителям. Они немедленно отказались возобновить торговые договоры, имевшие грандиозное значение для финляндской экономики. Кроме того, они отказались принять ранее заказанные товары, равно как и от платежей.

Четвертая часть торговли Финляндии это — торговля с СССР. В результате этого маневра советских внешне-торговых учреждений, к наступлению зимы в Финляндии началась и стала нарастать безработица. 4 декабря финский кабинет министров подал в отставку. Когда это стало известно, наблюдатели вспомнили любопытное заявление Хрущева: принимая группу сенаторов САСШ в сентябре 1955 года, он заявил, что "мы (т.е. советчики) ценим торговлю не столько по соображениям экономическим, сколько по тем политическим целям которые могут быть достигнуты путем торговли".

Для того, чтобы установить свои политические предмостные укрепления и повысить свое политическое влияние, Советский Союз пользуется не только торговлей, но и экономической помощью, оказываемой им тем или другим странам. В действиях по организации помощи, проводимых со стороны Объединенных Наций СССР принимает более чем незначительное участие, однако, он направляет свою экономическую помощь в отдельные страны по своему усмотрению. Это те страны, где СССР имеет определенные политические цели. Туда отправляются даже и такие продукты, которых не хватает и в зоне стран, лежащих "за Железным Занавесом". Такая тактика оказывается особенно успешной для СССР в странах, которые для своего экономического развития нуждаются в помощи.

В октябре 1956 г., вскоре после того, как началась поставка оружия из советского блока в Египет, д-р Сарка, тогда занимавший крупный пост в чехословацком министерстве внешней торговли, заявил, что советская экономическая политика "преследует цель овладеть политическим контролем над Средним Востоком".

Впрочем, как охотно советская власть оказывает экономическую помощь, когда ждет отсюда политических барышей, так же быстро она и прекращает ее, если только такое прекращение может быть полезно для политических целей СССР.

Хотя Тито тоже коммунист, но в 1958 году СССР резко уменьшил свою экономическую помощь Югославии за то, что югославские коммунисты совершили преступление идеологического уклона. Тогда же влиятельная индийская газета "Индустан Таймс" писала: "По-видимому, Москва дергает ниточки своей экономической помощи так, чтобы достигнуть в Югославии своих политических целей".

Можно сказать, что такие экономические маневры Советского Союза, как его дэмпинг, не могут развалить международный рынок, но повышают международное напряжение. Впрочем, не подлежит сомнению, что эти самые маневры могут вызывать падение правительств в странах, находящихся в орбите политических интересов Советского Союза.

Вполне понятно, что такова одна из основных целей советской экономической стратегии: подвести мины под правительства свободных стран, в надежде, что в момент замешательства коммунистическая партия пораженной страны сможет овладеть положением и захватить власть в стране в свои руки.

(По иностранным источникам)

Александра Воронцова

по черноморскому побережью

7. КРЫМСКОЕ ВИНОДЕЛИЕ И ЛЕСОВОДСТВО: МАССАНДРА, МАГАРАЧ, НИКИТСКИЙ САД, САНАТОРИЙ АРТЕК И ГУРЗУФ.

Иностранные туристы выразили желание, воспользовавшись нашим пребыванием в Ялте, познакомиться с крымским виноделием, которое особенно интересует опытных в этом деле итальянцев. Нам любезно пошли навстречу и разрешили посетить Масандру и Магарач, чтобы показать "советские достижения". Больше того, местная администрация прочла нам целую лекцию, которую мне, увы, пришлось переводить.

Недалеко на восток от Ялты начинаются виноградники прежнего Государева имения "Масандра". Нам подчеркнули, что до революции лучшие виноградники принадлежали Царю, а с ними и всякие другие имения, конские заводы, пастбища; самое министерство, этим ведавшее называлось Министерством Двора и Уделов. Теперь же все это перешло к "народу", т.е. вернее, к правящей коммунистической партии. Мы посетили на берегу моря "Управление Крымского Виноградарско-Винодельческого Комбината Масандра" и "Завод № 2". Нам сказали, что выше в горах есть другой завод № 1, где в подвалах [illegible] и хранятся отборные вина, идущие частью на экспорт заграницу. Любезный директор рассказал, что при мусульманах-татарах в Крыму вовсе не было виноделия, ибо его запрещает религия. Первые лозы насадил в Крыму Потемкин в подаренном ему царицей Екатериной II имении под Судаком в 1785 г. Затем виноградарство и виноделие распространялось по побережью по мере заселения его русскими.

При Царе Александре III князь Голицын впервые поставил в своем имении виноделие на научную основу. От него осталась богатейшая коллекция старинных вин, начиная с потемкинской эпохи. Он создал замечательное вино: "Седьмое небо" и развел новые лозы; при Голицыне появились крымские "мадеры", "портвейны", "мускаты".

Эта лекция не могла обойтись без политической лжи: рабочие-виноделы по директиве подпольной компартии, якобы, замуровали туннели в подвалах в 1920 г., чтобы не позволить "врангелевским бандитам" разграбить коллекции драгоценных вин и отправить их заграницу; затем их снова замуровали в 1941 г., чтобы они не достались немцам; впрочем, при вторжении немцев в Крым 50 тыс. бутылок лучших многолетних вин было эвакуировано морем на Новороссийск и отправлено дальше в тыл. Ложь этих рассказов бросается в глаза: до последнего месяца при Вра-

Г. Месняев

Гибель поэта

Недавно во Франции скончался первый поэт русской зарубежной литературы, Георгий Иванов, "князь" зарубежной поэзии, как его иногда называли. Нет никаких споров о том что поэзия Иванова отличается высоким мастерством и исключительными качествами поэтической техники. Иное дело содержание этой поэзии, ее внутренняя сущность, которая смущает и даже отвращает от себя многих.

Дело в том, что творчество Георгия Иванова последнего десятилетия его жизни стало выразительницей доведенного до предела пессимизма, отчаяния, отрицания, неверия и даже цинизма.

И неверие, и нигилизм, и цинизм — получили свое четкое выражение хотя бы в таких словах поэта: "Хорошо, что нет Царя. — Хорошо что нет России. — Хорошо, что Бога нет", или в такой строфе:

. . . . . .

Для непомнящих Иванов,
Не имеющих родства,
Все равно какой Иванов,
Безразлично — трын-трава.

. . . . . .

Словом "тран-трава" — сделалось символом опустошенной души поэта.

Только такая опустошенность, совершенное равнодушие к чувствам других людей, и даже некоторое озорное стремление оскорбить такие чувства — **продиктовали ему и такие строки:**

Овеянный тускнеющею славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох
Не изнемог Орел Двуглавый,
А жутко, унизительно издох.

. . . . . .

В угоду кому написал их Георгий Иванов, сам некогда, будучи кадетом Второго Кадетского корпуса, стоявший под сенью этого Орла? Зачем понадобилось ему глумиться над тем, что для многих является великой святыней, отблеском ушедшей жизни, символом Отечества?

Вскоре после окончания Второй Мировой войны, когда просоветское поветрие охватило самые широкие круги парижской эмиграции, Георгий Иванов, в журнале "Возрождение" (тетрадь 2-я) напечатал статью "Конец Адамовича", в которой он пытался показать истоки той советофильской болезни, которая поразила тогда многих русских эмигрантов, главным образом, прогрессивного толка.

В этой статье он приводил, в частности, такие суждения поэта и литературного критика Георгия Адамовича, которые очень ярко характеризовали тогдашнее состояние многих эмигрантских умов: "огромные достижения (советчиков) нельзя назвать исключительно материальными. Принцип равенства сияет и глубоко согревает души", или: "в крайне правых кругах толкуют о "священной ненависти". Постыдная болтовня Чем собственно, освящена она, покоящаяся на сомнительных основах ненависть?"

Истоки таких умонастроений, по мнению Георгия Иванова, надо было искать в тех беспринципных и антиобщественных к р у г а х русской предреволюционной литературной богемы, к которой принадлежал некогда и сам Георгий Иванов. Характеризуя эту среду, он, в частности писал: "Серьезность и в отношении и поэзии и жизни была в те времена редка не только у молодых модернистов, но и у многих маститых".

И, действительно, петербургская литературная богема предвоенных и предреволюционных лет живя вовсе оторванно от нормальной жизни тогдашней России, пренебрегая и презирая все, что лежало за порогами всяких литературных салонов, кабаков и редакций модернистических журналов, унесла с собой и заграницу чисто нигилистическое отношение к тем принципам, на которых зиждилась подлинная Россия.

Характеризуя умонастроение и стиль восприятия жизни представителями предвоенной петербургской литературной среды, Георгий Иванов вспомнил "общего любимца и баловня" этой среды, поэта Михаила Кузьмина и его игривые стишки, как бы являвшиеся жизненным девизом всех модернистов и эстетов:

Нам философии не надо
И скучных ссор.
Пусть будет жизнь одна отрада
И милый вздор...

Трагические последствия "милого вздора" не очень обескуражили бывших завсегдатаев "башни" Вяч. Иванова, "Бродячей Собаки" и прочих мест сборищ литературных снобов и бездельников. Очутившись заграницей, они, по свидетельству Георгия Иванова продолжали "безответственную и высокопарную болтовню на "воскресениях" Мережковского, в "Зеленой Лампе", в редакции "Чисел" и т.д."

В дни общего шатания русской эмиграции в Париже в послевоенные годы, такая безответственность и беспринципность, логически привела к тому, что некоторые из эстетов отправились курить фимиамы непосредственно к Сталину, а другие и, в частности, Адамович, в течение ряда лет упражнялись на страницах ярко просоветских "Русских Новостей" и других подобных изданий.

Советское поветрие, поразившее множество прогрессистов, не захватило Георгия Иванова. Наоборот, он в противосоветских эмигрантских изданиях, резко осуждал прельстившихся (статья "Конец Адамовича" и другие) и недвусмысленно отрицал коммунизм и как систему и как мировоззрение.

В статье "Маяковский и Есенин" ("Возрождение", март-апрель 1950 года), говоря о том, что поэзия Есенина объединила русских людей разных поколений ("На любви к Есенину сходятся и 16-летняя "невеста Есенина" и 50-летний, сохранивший стопроцентную непримиримость "белогвардеец"), он писал: **"Поэзия есть Бог в святых мечтах земли..."** Бог в святых мечтах... "Т.е. антибезбожие, антидиамат, антирабство тел и растления душ. Т.е. в конечном счете **антибольшевизм".**

"Мертвому Есенину, — писал он, — удалось то, что не удалось за 32 года большевизма никому из живых. Из могилы он объединяет русских людей звуком русской песни, где **сознание общей вины и общего братства** сливаются **в общую надежду на освобождение".**

Такие слова поэта, сказанные им в дни, когда в Европе произошла встреча так наз. "старой" эмиграции с эмиграцией "новой", свидетельствует о том, что тогда "общая надежда на освобождение" не оставляла его и освещала его жизнь. Видимо, в эти годы полузабытые впечатления тех дней, когда Георгий Иванов носил синие погоны Второго Кадетского корпуса, как-то мягчили его сердце. Но, чем дальше шло время, чем ближе надвигалась унылая старость и блекли надежды "на освобождение", тем неприметней делались эти впечатления, уступая место влияниям другого порядка, берущим свое начало в "петербургских зимах", в той опустошенной литературной среде довоенного Петербурга, в которую вошел Георгий Иванов, по окончании корпуса.

Надо было иметь немалый запас здоровых и крепких понятий и убеждений, которые могли бы, в мрачные дни старости и увядания всех надежд, духовно поддерживать поэта. Такого запаса нравственных сил у Георгия Иванова не оказалось. Он был растрачен еще на заре его жизни, когда он, войдя в тогдашний литературный мир, проникся беспочвенными и нигилистическими взглядами, царившими в нем.

Георгий Иванов перестал верить в то, что "поэзия есть Бог в святых мечтах земли". А перестав верить в это и отдавшись целиком во власть злобного духа неверия и глумления, он, в сущности, погиб как поэт. Где нет Бога, там нет и поэзии. Эту мысль сам Георгий Иванов очень красноречиво выразил, передавая как-то свой разговор с Н. С. Гумилевым по поводу поэмы "Двенадцать" А. Блока. Гумилев сказал, что Блок, написав эту поэму, в сущности в т о р и ч н о распял Христа и еще раз расстрелял Государя. Когда же Георгий Иванов заметил, что "Двенадцать", как стихи, близки к гениальности. Гумилев ответил: "Тем хуже, если гениальны. Тем хуже для поэзии и самого Блока. Дьявол, заметьте, тоже гениален, — тем хуже и для дьявола и для нас".

Так же точно, стало "тем хуже" и для Георгия Иванова, когда он в совершенных по форме стихах стал глумиться над жизнью и людьми, над их естественными слабостями, над их обычными чувствами и мыслями.

В частности, с большой и непонятной злобой, глумился он над русской эмиграцией, невольно подпевая этим советчикам:

Жизнь продолжается рассудку вопреки.
На южном солнышке болтают старики:
— Московские балы... Симбирская погода..
Великая война... Керенская свобода...
И скоро сорок лет во Франции в гостях.
Жужжанье в черепах и холодок в костях.
— Масонский заговор... Особенно евреи...
Печатались? А где? В каком Гиперборее?

нгеле никакой эвакуации не производилось, а когда Врангель решил покинуть Крым, то в несколько дней с напряжением всего транспорта спасали армию и опасавшееся большевиков население и было не до вин. Немцы же были в Крыму почти 4 года и часть населения с ними сотрудничала, что, конечно,, по могло бы им найти туннели, а за 4 года их можно было размуровать, если по возвращению большевики это сделали за несколько месяцев. Гораздо вернее, что при господстве советского военного флота на море и отсутствии черноморского флота у немцев, вина, как нам сказали, вывезли морем вместо эвакуации населения хотя бы еврейских колоний и еврейской части администрации в Крыму. Точно переводя все, что мне говорили, я добавила, что из рассказов видна разница между поведением генерала Врангеля и компартии: при наступлении наприятеля Врангель эвакуировал свои госпитали, свою администрацию, свои войска и пожелавшее последовать за ним население, а большевики наоборот спасали в первую очередь бутылки старинных вин, бросая на произвол судьбы население и отлично зная предстоящий евреям трагический конец. Жестокость к своим гражданам и полное равнодушие к их судьбе в годы оккупации, которая явилась результатом трусости и бездарности советского командования и не сумевшей обеспечить оборону страны компартии становятся совершенно очевидны при посещении Крыма даже из рассказов самих коммунистов.

Нам давали попробовать вино алиготе "Золотая балка" и "Ай-Даниль", портвейны "Сурож" и "Ливадия", белый мускат "Кастель" и розовый — "Гурзуф", уверяя, что это новые советские марки., не уступающие голицынским винам.

Виноградники комбината "Массандра" раскинуты по всему южному побережью: под Севастополем создаются столовые вина "Рислинг", на южном берегу — крепкие и сладкие дессертные вина из мускатных лоз винограда, токайские вина и мадера; под Алуштой — красные столовые вина, а под Судаком — советские шампанские вина.

Из Массандры мы проехали в Институт опытного виноградарства и виноделия "Магарач", преобразованный из опытного питомника, созданного в 1831 г. И тут большевики только присвоили громкое название "Института" учреждению, организованному еще в первое десятилетие царствования Николая I. Институт сохранил имя питомника, полученное им от названия ручья около которого 125 лет назад производились первые опытные посадки иностранных лоз. Институт имеет 12 отделов в Крыму и филиалы в Москве, Киеве, Тбилиси и Ташкенте и 12 "пунктов" в разных частях страны. Затем мы посетили Никитский ботанический сад, который еще и сейчас носит имя Молотова; так было в момент нашего посещения. Туристы спрашивали: не назван ли он Никитским в ч е с т ь Хрущева; но оказалось, что это прежнее дореволюционное название сада, основанного в 1812 г. ботаником Х. Х. Стевеном. Часа три мы гуляли по дивному саду, любуясь в прохладе тенистых аллей самыми диковинными растениями; мне запомнились тысячелетний фисташник, гигантский каштан, мамонтово дерево, плакучая вавилонская ива; Затем какое-то доисторическое хвойное дерево, называемое "гинкго", которое покрывало землю в мезозойскую геологическую эру. Оказывается, что еще в 1820 г. в этом саду были посажены десятки деревьев растущих в южных странах Западной Европы и в Африке. Прекрасная цитрусовая роща покрывает выдающийся в море мыс. Убедившись, что все сокровища растительного царства здесь выращены еще до революции, я спросила: "Что же нового можно здесь найти?" Тогда мне показали площадку, на которой разводят 22 сорта китайских хризантем, присланных Мао Тзе в подарок советскому правительству. Из этого дивного сада мы проехали на автобусах в Гурзуф. Здесь нам показали дом, в котором жил в мае 1820 г. Пушкин с семьей генерала Раевского. Здесь была написана одна из первых поэм: "Кавказский пленник". О Гурзуфе и его впечатлениях Пушкин говорит и в "Бахчисарайском фонтане" и в незабываемых стихах: "Кто видел край"... и "Редеет облаков летучая гряда"... Нам показали грот, в котором сидел над морем Пушкин, любуясь большими скалами-близнецами.

Затем на автобусах нас довезли до Алушты где нас ждал на рейде наш теплоход.

Гурзуф лежит в долине к востоку от мыса Никита; над ним возвышается гора "Орлиный Залет". На северо-востоке лежит величавый Аю-Даг; за ним самые высокие в Крыму горы: "Роман-Кош" (1543 метра) и "Демир-Капу" (1540 метров). Гид напомнил нам стихи Некрасова:

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аю-Даг...

В 1825 г. здесь наслаждался природой изображаемый "мучеником" в польских учебниках Адам Мицкевич, пишущий в одном из "Крымских сонетов":

Взойдя на Аю-Даг и опершись о скалы,
Я созерцать люблю стремительный набег
Волн расходящихся и сребристый снег,
Что окаймляет их гремящие обвалы.

В лучшем здании находится санаторий Министерства Обороны СССР с парком в 16 гектаров, в котором важно прохаживаются всякие маршалы и генералы. Этот лучший парк закрыт для посетителей особенно иностранцев, как наши туристы. Его шутя прозвали "садом маршалов". Их ведь в советской армии около трех десятков!

Мы проехали мимо "Дома творчества советских художников", которых посылают сюда летом из Москвы и Ленинграда искать вдохновения. Затем шоссе отошло от берега, от которого нас отделял на протяжении 7 километров нашего пути пресловутый пионерский лагерь "Артек", воспетый советской пропагандой. Для него были реквизированы прекрасные дореволюционные санатории "Суук-Су" и "Молодость". Сюда посылают отличившихся в глазах партии пионеров в числе пяти тысяч в лето.

Обогнув "Артек", мы снова подъехали к морю и увидели бухту с островками, называемыми "Птичьими", ибо на них прилетают стаи морских птиц-бакланов.

Перед нами вскоре выросло красивое здание в мавританском стиле, стоящее в парке из пиний, напомнивших нашим туристам далекую Италию. Нам сказали, что это дореволюционный санаторий "Карасан", обращенный теперь в санаторий для ответственных работников министерства химической промышленности СССР. За ним показалось другое красивое здание — тоже дореволюционный санаторий, теперь присвоенный ответственным работникам министерства торговли СССР. Затем мы подъехали к кипарисовой роще, где стоят несколько корпусов современных построек — это туристская база спортивного общества "Локомотив", которой пользуются работники министерства путей сообщения СССР. Там же на утесе над морем могила крымского археолога, академика Ив. Павл. Кеппена, которую нам тоже показали.

Отсюда мимо виноградников совхоза "Кастель", принадлежащего комбинату "Массандра", мы въехали в долину Алушты, более широкую, чем предыдущие, ибо горы тут отходят от берега на 5-6 километров. С северо-запада от Алушты поднимается гора "Улу-Узень", а с северо-востока другая гора "Демерджи", у подножья которой протекает речка того же имени, впадающая в море на восточной окраине Алушты.

Сойдя с автобуса, мы отправились в порт, где усталые, но довольные своей поездкой, отправились переночевать на наш теплоход. На другой день нам обещали показать самую Алушту, которой Мицкевич посвятил два сонета: "Алушта днем" и "Алушта ночью". Свои впечатления об Алуште обещаю рассказать в следующий раз. **Александра Воронцова**

...На мутном солнышке покой и благодать,
Воскреснет твердый знак, вернутся ять с фитою
И засияет жизнь эпохой золотою.

Когда-то Пушкин, в ответ на стихи Филарета Митрополита Московского, восклицал: "И внемлет арфе Серафима в священном ужасе поэт!" Георгию Иванову, видимо, в пароксизме нигилистического зубоскальства, для чего-то понадобилось перефразировать эти слова так:

...Фитиль, любитель керосина,
Затрепетал, вздохнул, потух —
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе петух!

Возможно, что и эти строчки о стариках-эмигрантах и многие другие, остроумны, злы и технически отточены. Но разве это поэзия, разве это "святые мечты земли"?

Печальна гибель одаренного поэта! Страшно за него, что он освещенный искрой Божией, растерял к концу своей жизни все то, чем живы люди, что он уперся в страшный тупик, вплотную подойдя к провалу. А причиной этой гибели была та жизненная легкость, пустота, пренебрежение русской верой, которые когда-то усвоил Георгий Иванов в растленных кругах предреволюционного русского общества и от влияния которых он не смог освободиться. Петербургский, старых времен, "милый вздор", к великому несчастью для него обратился, в конце концов, в эмигрантскую "трын-траву".

А, нельзя не пожалеть об этом. Ведь лира Георгия Иванова могла звучать, и звучала временами, звуком пленительным и чистым. Рядом с совершенно упадочными стихами, здесь приведенными (взяты из "Дневника" 1955 года, "Новый Журнал" кн. 42), имеются и такие:

Ты не расслышала, а я не повторил.
Был Петербург, апрель, закатный час...
Сиянье, волны, каменные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.
Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что нас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела...
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдет.

"Это", т.е. вечная поэзия человеческой жизни, действительно, никогда не пройдет. Пройдут и забудутся болезненно упадочные, глумливые, злые слова, сказанные поэтом. То же, что он написал о Петербурге, о закатном часе, о каменных львах над Невой и о многом другом, что утешает русское сердце — будет жить долго. Русские люди будут помнить поэта Георгия Иванова именно за это и только за это!

Г. Месняев

Н. Кусаков

еще о пастернаке

Казалось, что про Пастернака сказано все. Больше говорить нечего. Однако, неожиданные сообщения заставляют снова упомянуть его имя. Дело в том, что идейное направление писателя болезненно задело некоторые еврейские круги. Конечно, мы могли бы обойти это полным молчанием. Не нам судить если речь идет о внутриеврейских спорах. Однако, Пастернак — писатель не только еврейский, не только писатель советский но, пожалуй, в большей степени писатель русский. Поэтому дело нас и касается.

Суть дела в том, что в романе "Доктор Живаго" Пастернак влагает в уста одному из своих персонажей речь, связанную с проблемой еврейского народа. Смысл этой речи в том, что еврейству следует покончить со своим изолированным положением в среде других народов. Еврейство должно слиться с теми народами, среди которых они живут, фактически — они должны перестать быть евреями.

"...что такое "нация"? — спрашивает этот персонаж. — Что делает нацию? Тот ли это, кто сам того не сознавая, подымается до универсальной высоты красотой и величием своих деяний, и тем самым дает нации славу и бессмертие?.. Когда Евангелие говорит, что в Царствии Небесном нет ни иудея, ни язычника - значит ли это только то, что в очах Божиих все равны? Нет... Сказано: В этом новом образе жизни, в новой форме общества, которые родились из сердца и которые названы Царствием Небесным, нет наций, а есть только личности...

"Национальная идея (евреев) заставляла их — век за веком — быть нацией и только нацией, и они оказались прикованными к этой ретроградной идее и задаче в течение веков, в то время как весь остальной мир освобождался от этих оков благодаря новой силе, возникшей из их собственной среды...

"Какая польза от добровольного мученичества? Кому от него польза? Ради чего эти невинные старики, дети и женщины, весь этот добрый, нежный и человечный народ на протяжении веков подвергается преследованиям и ударам?.. Почему интеллектуальные лидеры еврейского народа никогда не пошли дальше толков о всемирной боли (Вельтшмерц) и о своей мудрости? Почему... они не распустили эту армию которая все продолжает бороться и подвергаться избиению, неизвестно за что? Почему не сказать им: "Обратитесь к здравому смыслу! Остановитесь! Перестаньте обособляться. Рассейтесь. Будьте вместе со всеми." (Переведено с испанского, Н. К.).

Этот пассаж из романа "Доктор Живаго" вызвал волну противоречий в еврейской среде. Выходящая на "йидишь" в Сев. Америке газета "Дер Тог" буквально набросилась на Пастернака, назвав его еврейским ренегатом, ассимиляционистом, евреем без достоинства и чести, кандидатом в общество антисемитов, сопротивляющихся Израильской государственности и еврейскому национализму.

Так оказалось, что русский интеллигент, принявший революцию с настроениями прогрессивного прекраснодушия, оказался не только между наковальней революционного мечтательства и молотом большевизма. Он оказался также между жерновами еврейских противоречий.

Есть у Пастернака и защитники. Они сравнивают его с другим еврейским писателем Шоломом Аш, который за свое свободомыслие также подвергся остракизму. Защитники Пастернака призывают к внимательному отношению и предупреждают своих современников, чтобы они не последовали примеру предков, 2.500 лет тому назад избивавших пророков. В этом смысле пишет газета "Ньюсеттлер". Она особенно подчеркивает, что нельзя шельмовать писателя, когда на него набросилась свора советских писателей.

В газете "Джьюиш пост" раввин Вайнштайн говорит о трагедии еврея-христолюбца. Он упрекает Пастернака в том, что тот не отразил советского антисемитизма и обошел молчанием вопрос об отношениях между евреями и христианами в послереволюционной России. По суждению раввина Вайнштайна, Пастернаку следовало бы с любовью сказать об удивительном явлении выживания еврейского народа.

"В свете возрождения антисемитизма в России следовало бы ожидать, да и было бы необходимо, чтобы чуткий христианствующий писатель дал читателю более отчетливый образ еврея... Печально выглядит то, что писатель, который так прекрасно и глубоко охватил трагическую историю одного человека, оказался настолько превратно слепым по отношению к высочайшему чаянию народа, в котором он родился".

Таковы, вкратце говоря, голоса, раздавшиеся вокруг имени Пастернака. Обвиняющие тона здесь явно превалируют. Раввин Вайнштайн плохо скрывает свое негодование по поводу христианских настроений Пастернака. Это выражается в острой иронии по адресу христианина, проявившего нечувствительность. "Дер Тог" обвиняет и только что не кричит: "Распни!" "Ньюсеттлер" умеренно призывает к спокойствию. Он находит нужным прислушаться к мыслям, высказанным крупным талантом.

Во всем этом нам интересен прежде всего самый факт. Мы не можем судить о том, что здесь хорошо и что плохо. Ассимиляция есть, как нам кажется, вопрос, который решается совестью каждого человека. Возможно, что со стороны страстных националистов Пастернак назван предателем вполне резонно.

Мы не могли пройти мимо замечания, что о Пастернаке говорят, как о еврее, который целиком усвоил культуру страны, в которой он родился. Поглощающая сила России в этом отношении действительно велика. Нам отрадно, что русская культура выпестовала из еврейской среды столь крупного писателя, каким в строках романа "Доктор Живаго" явился Б. Л. Пастернак. Дороги нам и его христианские настроения (хотя в этом отношении надо заметить, что он не пошел дальше той мелкой воды, на которой плавала подавляющая часть русской интеллигенции).

Что же касается самого существа проблемы, нам кажется важным заметить, что спор, разгоревшийся в еврейской печати вокруг Пастернака, имеет несколько неверную направленность.

Пусть и важно установить, является Пастернак предателем в смысле национальном и религиозном или нет. Но кажется нам, что гораздо важнее установить, что образ мыслей, высказанный Пастернаком устами этого персонажа, не есть только мысль писателя. Настроения к ассимиляции в еврейской среде России гораздо шире, чем этого хотелось бы раввину Вайнштайну. Пастернак не провозгласил свою идею, а выразил идею широкого круга евреев, среди которых он провел свою жизнь.

Долго ли еще имя бедного писателя, так основательно попавшего впросак, будет появляться в печати? Долго ли "Доктор Живаго" будет волновать заграничного читателя?.. Судьба писателя от этого не изменится. Загнанный, затравленный, принесший покаяние, которому никто не верит, он вскоре будет предан забвению. Долог ли его век?..

Но книга его будет жить долго. Пусть и промелькнет она перед западным читателем, лишь на короткое время послужив символом осуждения коммунизма, и пусть вскоре она перестанет волновать людей здесь. Но придет день, когда она найдет свой путь в Россию. Широко распространенная на нашей Родине после ее освобождения, она станет будить голос совести и, затронув лучшие струны души, послужит к осуждению революции и к восстановлению жизни.

Сегодня же, кроме всех деталей уже широко известных, она пробуждает интерес тем, что является свидетельством того, насколько Россия способна поглощать и растворять в своей среде людей доброй воли.

Н. Кусаков

ыходило ничего. Это был уже не вным языком, коллапс...

ащил к лежанке ящик, опять подящик, положил на край ладони и, на лежанку. Перекатываясь, Юра пичного изголовья... Тоненькая цу. Обрывком папиросной бумаги нулся. Его лицо было похоже на долгой и изнурительной болезни. растом подчеркивали мертвенную падины глаз. Заострившийся нос. конец?.. Впечатление было таким тал слушать сердце... нет, сердце билось... Этот короткий, на неьно оглушил меня. Голова крушо бы никуда не итти, свалить-, пошатываясь, вышел из УРЧ и дороге вспомнил о нашем списке к этапу, который должен был сегодня. Ну, конечно, Чекалин списки. А вдруг не взял? Чепу? Ну, а если не взял? Это был 7 человек... И оставлять его в метить... И тогда?..

ности на лестнице, я все-таки поеописуемую урчевскую уборную, .

был наш список (иногда бывали нный документ на всякий случай;). Почему Чекалин не взял его? ж теперь? Придется занести его

ридется проваливаться по сугрокалинской избы, меня даже озноб прошиб. А не пойти? Завтра эти сто сорок семь человек поедут на БАМ...

Какие-то обрывки мыслей и доводов путано бродили в голове. Я вышел на крыльцо.

Окна УРЧ отбрасывали белые прямоугольники света, заносимые снегом и тьмой. Там, за этими прямоугольниками металась вьюжная приполярная ночь. Две версты? Не дойду.... Ну его к чертям! И с БАМ-ом, и со списком, и с этими людьми. Им все равно погибать — не по дороге на БАМ, так где-нибудь на Лесной Речке. Пойду в палатку и завалюсь спать. Там весело трещит печурка, можно будет завернуться в два одеяла — и в Юрино тоже... Буду засыпать и думать о земле, где нет расстрелов, БАМ-а, девочки со льдом, мертвенного лица сына... Буду мечтать о какой-то странной жизни, может быть, очень простой, может быть, очень бедной, но о жизни на воле. О невероятной жизни на воле... Да, а список-то как?

Я не без труда сообразил, что я сижу на снегу, упершись спиной в крыльцо и вытянув ноги, которые снег уже замел до кончиков носков.

Я вскочил как-будто мною выстрелили из пушки. Так по-идиотски погибнуть? Замерзнуть на дороге между УРЧ и палаткой? Распустить свои нервы до степени какого-то лунатизма? К чортовой матери! Пойду к Чекалину. Спит — разбужу! Чорт с ним!

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН

..Пошел. Путался во тьме и сугробах, наконец, набрел на плетень, от которого можно было танцевать дальше. Мыслями о том, как бы дотанцевать, как бы не запутаться, как бы не свалиться, — было занято все внимание. Так, что возглас: "Стой, руки вверх!" застал меня в состоянии полнейшего равнодушия. Я послал возглашающего в нехорошее место и побрел дальше. Но голос крикнул: "это вы?"

Я резонно ответил, что это, конечно, я.

Из вьюги вынырнула какая-то фигура с револьвером в руках.

— Вы куда? Ко мне?

Я узнал голос Чекалина.

— Да, я к вам.

— Список несете? Хорошо, что я вас встретил... Только что приехал, шел за этим самым списком. Хорошо, что вы его несете. Только послушайте — ведь вы же интеллигентный человек! Нельзя же так писать. Ведь это чорт знает, что такое: не то, что фамилий, а и цифр разобрать нельзя...

Я покорно согласился, что почерк у меня, действительно, — бывает и хуже, но не часто.

— Ну, идем ко мне, там разберемся.

Чекалин повернулся и нырнул во тьму. Я с трудом поспевал за ним. Проваливались в какие-то сугробы, натыкались на какие-то пни. Наконец, добрели.

Мы поднялись по темной скрипучей лестнице. Чекалин зажег свет.

— Ну, вот, смотрите, — сказал он своим скрипучим, раздраженным голосом. — Ну, на что это похоже? Что это у вас 4? 1 ? 7? 9? Ничего не разобрать. Вот вам карандаш. Садитесь, поправьте так, чтобы было понятно.

Я взял карандаш и уселся. Руки дрожали — от холода, от голода и от многих других вещей. Карандаш прыгал в пальцах, цифры расплывались в глазах.

— Ну, и распустили же вы себя. — сказал Чекалин укоризненно, но в голосе его не было прежней скрипучести. Я что-то ответил...

— Давайте, я буду поправлять. Вы только говорите мне, что ваши закорючки означают.

Закорюк было не так уж много, как этого можно было бы ожидать. Когда все они были расшифрованы, Чекалин спросил меня:

— Это все больные завтрашнего эшелона?

Я махнул рукой.

— Какое все. Я вообще не знаю, есть ли в этом эшелоне здоровые.

— Так почему же вы не дали списка на всех больных?

Дневник наблюдателя

НЕБЕЗЫНТЕРЕСНО

Очевидно, знатоки русского языка станут спорить о том, верно ли написано слово "безынтересно". Нам случилось заметить, что в отношении деталей русской орфографии не ошибаются только учителя русского языка, и то лишь в том случае, когда другую сторону спора представляют их ученики. Пусть же спорят знатоки. Мы остаемся при своем, пишем "безынтересно", а заметки наши сегодня — небезынтересны.

Недавно из Венгрии в Австрию перебежала семья Саркани. Дочь этой семьи, 18-летняя Клара, работала в Венгрии в шахте. В шахте произошел взрыв, она была ранена. Это положило предел терпению семьи. Они бежали на свободу, неся осуждение коммунизму. В самом деле: не во всех странах нынче детей, особенно девочек, посылают работать в шахты.

Осуждение коммунизму звучит повсюду в свободном мире. Не каждый член компартии здесь позволяет себе открыто объявлять в обществе, что он коммунист. Ясно, что к коммунистической пропаганде относятся также весьма настороженно. Так, когда в г. Сан Хосе в Коста Рико прибыла команда чехословацких футболистов, их подвергли обыску на таможне. Вместо контрабанды нашли коммунистическую пропаганду, директивы для местной компартии.

Но зачем беспокоиться? Сама печать свободного мира делает коммунизму блестящую пропаганду, вздувая советские "показы" и умалчивая о множестве коммунистических бедствий.

Так, например, когда советчикам удался запуск снаряда, имевшего долететь до луны, это достижение было тщательно описано со всеми поздравлениями и восторгами.

Действительно в соревновании о том, кто положит лучший и более совершенный камень на постройку Вавилонской башни, коммунистический мир идет впереди. Снаряд, наименованный "Мечта", не попав на луну, оказался теперь первой планетой, пущенной человеческими руками. "Мечта" стала в орбиту и совершает путь вокруг солнца, наравне с другими планетами мироздания. Чудеса творений человеческого гения неизмеримы, и современность не желает видеть того, что это "планетотворчество" есть страшный грех, грех человека против Бога Творца.

Пораженно современник глядит на достижения советской науки и в восторгах толпы слышатся страшные апокалиптические слова: "И поклонились зверю, говоря: "Кто подобен зверю сему и кто может с ним сразиться? И даны ему уста, говорящие гордо и богохульно..." (Апок. 13, 4-5).

Правда, было замечено и то, что весть о запуске "Мечты" была опубликована в Москве лишь только тогда, когда уже не было сомнения в удаче. Это наводит на мысль, что в случаях неудач в СССР молчат. Заметили и то, что "Мечта" связалась с выпуском почтовой марки с вызывающими словами о покорении всего мира под социалистическую систему, очень тщательно заметили и то, что все это есть демонстрация технической мощи т.е. дело, которое крупными буквами записывается в картину суждений о возможности или невозможности войны.

Будет — не будет?.. Пока что голубком мирных настроений оказывается Анастас Микоян.

Когда Микоян приехал в Воронеж ревизовать завод то ли Сталина, то ли Ленина, не успел он уехать, как половина инженеров оказалась в "собачнике" местного ГПУ. Часть расстреляли, часть поссылали. Так распорядился Микоян в 1932 г.

Когда он приехал в Соед. Штаты, его встретили пикеты антикоммунистов, отряды американской полиции и выставка книг, где ему пришлось полюбоваться многочисленными изданиями знаменитого "Доктора Живаго". Потом последовал разговор с м-р Даллесом.

Беседа длилась часа полтора. Результат — интервью в печати, из которого журналисты пытаются вывести следствие, что Микоян привез облегчение берлинского кризиса.

Кстати о кризисе. Уолтер Липпманн считает, что этот кризис успокоится. Его аргумент, правда, жидковат. Он полагает, что Москва не решится оставить без своих войск Берлин, памятуя о Венгрии и зная об антисоветских настроениях там. Впрочем, Микоян Даллесу сказал якобы, что западным союзникам будет обеспечен доступ в Берлин и упомянул, что не исключается привлечение Объединенных Наций к решению берлинского кризиса. Если так, то мирная миссия Микояна уже значительна.

Дальше Микоян отправился к своему сердечному другу — промышленнику и банкиру Сирусу Итону в Кливлэнд, шт. Огайо. В аэропорте оба говорили речи о необходимости дружбы и сотрудничества. Микоян подарил С. Итону от имени Хрущева тройку белых лошадей. Был банкет, где объединялись вождь грабителей — коммунист Микоян и будущий объект коммунистического грабежа "экспроприации" — американские миллионеры.

В конце Микоян в своих речах настаивал на том, что САСШ нехорошо делают, что не торгуют с СССР. Он словно забыл, что именно американский капитал больше всех содействовал развитию советской промышленности в годы первой пятилетки. Не американские ли промышленники строили автомобильные и тракторные заводы на Волге? Не они ли строили днепровскую дамбу? Да только ли это?..

Не скажу, чтобы было приятно переживать мировую коммунистическую революцию, но все-таки было бы чудно наблюдать, как "разгневанные народные массы" вытряхнули бы Сируса Итона и ему подобных из их дворцов и посадили бы их жить в ванной комнате на голодном пайке. Да еще спрашивается, кого из них оставят в живых? Ой, м-р Итон! И доиграетесь же вы все когда-то! Вспомните вы тогда вашу тройку борзых коней!

Потом Микоян поехал в Чикаго и Детройт. Здесь в него швыряли гнилыми яйцами и прочей нечистью. Но ему это нипочем. Промышленники его принимали в "Чикаго клубе", где встречаются местные миллионеры. На банкете, в атмосфере трогательного объединения Микоян сказал, что гнилые яйца никакого значения не имеют, что Америке надо торговать с СССР и сулил барыши. Очевидно, Микоян будет иметь встречу и с Айзенхауэром, но пока об этом не говорится.

Гротеволь совершил поездку в Каир и Порт Саид. Прозвучала весточка о возможности признания Панковских немцев со стороны Каира. В Зап. Германии это вызвало тревогу и негодование. До сих пор Зап. Германия не признает ни одного правительства, которое признает Панковских немцев. Хотя сама и имеет дипломатические связи с СССР — с этим отцом и благодетелем Панкова.

Кстати, У. Липпманн надеется еще на то, что берлинский кризис успокоится сам по себе, когда умрут Аденауэр и Даллес. Это, видите ли, они двое во всем виноваты!

Дела у Мао — неважнецкие. Рассказывают, что у него всего нехватки. Он телеграфирует Хрущеву: "Пришлите продуктов питания". Хрущев отвечает: "Подтяните пояса". Мао тогда снова телеграфирует: "Пришлите пояса".

Положение Хрущева тоже не из завидных. На пороге XXI съезда партии в партии трещина. Экономист С. Струмилин в "Литературной газете" критикует хрущевский экономический план на следующую семилетку. Не то важно, что критикует, а то, что критика вышла в печати. Видно не все согласны с Никитой Сергеевичем. Известие, что секретарь Хрущева А. В .Усов кончил самоубийством, напоминает о днях Томского и Гамарника. Большие партийные шишки зря самоубийством не кончают. Что-то здесь не так. Где трещина?

Обратим взор в другие места. На Кубе движение Фиделя Кастро против Ф. Батиста завершилось полной победой Кастро, который предложил пост временного президента Мануэлю Уррутиа. Страны демократического мира одна за другою признают новое правительство Кубы. Ф. Кастро заявил, что не желает устанавливать дипломатических отношений ни с одной страной, находящейся за "Железным занавесом", т.к. там господствует диктатура. Жаль, что добрый пример не заразителен.

Беспокойство в Арабском мире продолжается. Стычки на границе Израиля, почти что в порядке дня, а радио из Мекки говорит, что король Ибн Сауд грозит Израилю войной, если не будет благоприятно решен вопрос об арабах, выселенных из Палестины при образовании Израиля.

Еврейская печать обратила внимание на то, что советское радио в заграничных передачах взялось за восхваление биробиджанской колонизации. Высказываются опасения, что это есть признак приближения новой волны насилия большевиков над евреями, которых будут принудительно переселять в Биробиджан.

Таков сегодня итог...

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет...

Наблюдатель

Д.Р.Б. — КАРЛОС КАЛЬВО 2851

Правление доводит до сведения, что традиционная Е Л К А состоится в помещении Д.Р.Б. в субботу 17 января 1959 г., в 18 час. с интересной детской программой.

Правление просит родителей заблаговременно, не позже 15 января, записать своих детей. Запись у Заведующего Домом и у Секретаря.

После 22 часов — Е Л К А — для взрослых. Танцы и веселая программа.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Р У С Ь"

Ш Е С Т О Й Т О М И С Т О Р И И Р У С С К О Г О М А С О Н С Т В А

вышел из печати

Содержание: Почему Николай I запретил в России масонство? Русская Европия к началу царствования Николая I. Масонские и интеллигентские мифы о Петербургском периоде русской истории. Враг масонов № 1 (Масонно-интеллигентские мифы о Николае I).

В Аргентине 60 песо. В САСШ и Канаде 3 доллара. Лица, покупавшие до сих пор наши книги в книжном магазине В. Камкина (Вашингтон) и Л.Рубанова (Бразилия) могут выписать 6-ой том непосредственно от издательства. Могут выписать необходимые им книги и лица живущие в Англии и покупавшие первые тома в закрытом ныне магазине Барачевского. Письма и заказы адресовать: M. Tamarzeff, Casilla Correo No 4, Villa Ballester, FNGBM, Argentina.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА "Н А Ш А С Т Р А Н А" И К Н И Г И ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА" В Б У Э Н О С А Й Р Е С Е

п р о д а ю т с я:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;

в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (ул. Нуньес, 3541);

в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;

у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;

на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

К А Л Е Н Д А Р И

Зарубежного Союза Инвалидов на 1 9 5 9 год

прибыли и поступили в продажу во всех местных киосках — г.г. Вербицкого, Ряснянского, Клобукова и в церкви на ул. Альвеар в Вижа Бажестер, в храме Св. Троицы — ул. Бразиль 315, а также и в книжных магазинах бр. Лашкевич и М. Тамарцева.

Правление Союза Русских Белых Военных Инвалидов в Аргентине

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Н А Ш А С Т Р А Н А" ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Р О С С И Я В К О Н Ц Л А Г Е Р Е

(издание четвертое)

выходит отдельными выпусками

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК П О С Т У П И Л В П Р О Д А Ж У

Цена 1 ам. доллар.

Принимается предварительная подписка на все шесть выпусков Цена 5 дол., в Аргентине — $ 150.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

N U E S T R O P A I S

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

Прием у редактора только по предварительному соглашению по телефону.

П Р Е Д С Т А В И Т Е Л И

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 3405 Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracás.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialedad. Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 St. Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 4, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, 'Kama' 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich. Wolfsburg Postfach 142

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 25, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdamsche Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky. 8, Richmond St. South Wentworthville N.S.W

ЦЕНА НОМЕРА В АРГЕНТИНЕ — $ 4.50

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.: Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр., Германия — 1 нем. марка: Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за д е с я т ь. номеров вперед.